
СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

«...КАК ОНИ СТОЯЛИ У ВОЕНКОМАТА С БРИТЫМИ НАВЕЧНО ГОЛОВАМИ»

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим...
Это нужно — не мертвым!
Это надо — живым!

Р. Рождественский

В заголовок статьи вынесены строчки из известной песни «Вспомните, ребята» на музыку В. С. Берковского. Несколько лет назад на одном из концертов ее исполнял автор стихов Д. А. Сухарев, и я услышала, как паренек тихонько спросил у девушки: «А как это “с бритыми навечно головами”? Почему?» Пришлось объяснять юным соседям смысл этой трагически точной метафоры.

Молодое поколение все хуже понимает язык старших. Чтобы это происходило реже, необходимо общаться, объяснять, вспоминать. Юбилей Победы — святой повод для того, чтобы вспомнить о погибших соотечественниках «с бритыми навечно головами», фронтовыми короткими стрижками и полудетскими косичками. В первую очередь мы вспоминаем, конечно, своих близких — отцов, дедов и прадедов. Но нужно вспомнить и своих герценовцев — вчерашних студентов, мальчишек и девчонок, по сути, мало отличавшихся от нынешних, а также чуть более солидных выпускников и аспирантов, совсем взрослых — учителей, вузовских преподавателей и других работников института, тоже похожих на нас нынешних.

С начала войны прошло столько лет, что в эти годы умещается человеческая жизнь. Многие пережившие войну ее герои завершили свой земной путь, и иногда думается, что сегодня уже не стоит делить тех, кто привел нас к Победе, на погибших и вернувшихся домой. Но эта мысль несправедлива. Тех, «с бритыми навечно головами», не дождалась матери. Стоит вспомнить и послевоенные судьбы фронтовиков-герценовцев, много сделавших для страны и своих близких.

В музее истории РГПУ им. А. И. Герцена хранится старенькая картонная коробка, в ней примерно две сотни бумажных карточек. Видно, что их перебирали сотни рук. Карточки содержат краткую информацию о герценовцах, погибших в годы войны. Ее дополняют картонные папки — музейные личные дела с документами, письмами, воспоминаниями, газетными вырезками. Работа с этими материалами оставляет двойственное впечатление. То, что собрано, результат самоотверженного труда, потребовавшего много времени и огромных душевных затрат. Среди тех, кто собирал эту информацию, — легендарные Е. Ф. Сакович, блокадный директор института, и А. И. Градусова, ставшая во время блокады директором институтской библиотеки, и К. К. Грищинский, в прошлом — заведующий музеем истории вуза. Традиции достойно продолжила Е. М. Колосова, уже много лет возглавляющая музей, его добрый гений и живая легенда.

Однако информация о погибших герценовцах является случайной выборкой. Об одних вспомнили друзья, о других написали родственники. Имена студентов дневного отделения перемежаются с именами тех, кто задолго до войны окончил заочное отделение, с ними соседствуют преподаватели и лаборанты. Сразу видно, что сведения о погибших далеко не полны, и мы не знаем, сколько их было. Дело не только в том, что мы, как сказал поэт, «ленивы и нелюбопытны». Меньше всего можно упрекнуть названных выше самоотверженных людей в равнодушии. В душе у совестливых людей в Ленинграде—Петербурге, в России, да и, видимо, у всех граждан нашей прежней огромной страны неумолчно звучат обращенные к следующим поколениям слова О. Ф. Берггольц: «Никто не забыт и ничто не забыто».

Проблема в том, что их невозможно даже посчитать, тех герценовцев, что ушли на фронт. По данным списка, составленного в блокадном Ленинграде Е. Ф. Сакович, только в 1941 г. добровольцами на фронт ушли 360 человек. При этом более 400 герценовцев погибли¹. По материалам институтской статистики конца 1941 — начала 1942 г., в армию направились 162 студента или, по другой сводке, 159². По институтским отчетам, за годы войны на фронт ушли 1004 человека.

Несопоставимость статистических данных (к началу войны в институте числилось всего около 1000 сотрудников) связана с тем, что в отчетах 1945 г. вместе с герценовцами учтены студенты и сотрудники объединенных с институтом вузов — пединститутов им. Н. К. Крупской и М. Н. Покровского. Кроме того, мобилизация в армию не была одномоментным явлением. Герценовцы продолжали пополнять ряды действующей армии на протяжении всей войны.

Сегодня по электронной базе Министерства обороны стóбит попробовать собрать краткую информацию о студентах и сотрудниках института, отчисленных и уволенных по приказу в связи с уходом в действующую армию. Думается, что это достойное задание для студентов и магистрантов кафедры русской истории.

Трудно решить, и кого именно считать герценовцем. К примеру, выпускники 1941 г., уходя на фронт, с формальной точки зрения по документам ЛГПИ им. А. И. Герцена не числились — они уже получили дипломы. Что уж говорить о тех, кто учился в институте ранее! Самое же печальное, что документы содержат слишком мало информации о погибших или просто молчат об их судьбе. Мы не можем почти ничего узнать о них и едва ли узнаем. На основании этих материалов еще можно составить список погибших герценовцев, пусть далеко не полный, но почти невозможно выяснить, какими они были, как жили и как погибли.

Попробуем, однако, на основании имеющихся источников воссоздать обстановку в институте в первые дни войны и хотя бы приблизительно, отдельными штрихами показать вклад наших погибших предшественников, тех самых, «с бритыми навечно головами», в дело великой Победы.

22 июня 1941 г. для сотрудников и студентов ЛГПИ им. А. И. Герцена, как и для всех граждан СССР, стало днем, навсегда отделившим мирную жизнь от трагической военной поры. Продолжалась сессия. А. Афанасьев, студент 1 курса исторического факультета учительского института, узнал о войне ранним утром: «К 8 часам утра мы собрались у небольшой аудитории на втором этаже исторического факультета. Экзаменатор [В. Н. Бернадский. — *Т. Ф.*] молча поприветствовал нас и пригласил войти в кабинет юношей... Виктор Николаевич долго молчал, как бы собираясь с мыслями. «Друзья мои! — начал он говорить, не торопясь, взвешивая каждое слово. — Нам, историкам, известны многие страшные и кровопролитные войны. Война, в которую мы вступили сегодня, будет дли-

тельной, опустошительной и потребует многих человеческих жертв...» Он пожелал нам мужества в предстоящих испытаниях. И, как бы мимоходом, открыл наши зачетки и всем поставил «отлично»³.

23 июня, в первый рабочий день войны, те, кто не сдавал и не принимал экзамены, участвовал в факультетских митингах. Студентка 1 курса физмата Голованова сообщила, что 20 ее однокурсниц намерены пройти ускоренные курсы медсестер и пойти на фронт. Студентка истфака Тотубалина сообщила, что на фронт уходят ее отец, брат, сестра, муж. Она сама также выразила готовность выступить на защиту Родины⁴.

В тот же день в помещении студенческого клуба открылся призывной пункт. В действующую армию уходили первые добровольцы — студенты, аспиранты и преподаватели института им. Герцена⁵. Студентка 3 курса литфака Э. Г. Штык вспоминала: «Наши мальчики отправлялись на пункт мобилизации. И даже в печальные минуты, когда мы провожали их и думали, что, может быть, расстаемся навсегда, шутки не смолкали.

— Мальчики, пишите, — крикнула им вдогонку Лиза Сокольская.

И ребята ответили полушутя-полусерьезно:

— Девочки, напишем, когда наш обратный адрес будет: Берлин, Фридрих-штрассе! До тех пор ждите, не унывайте!»⁶

«Сирень в тот год цвела необычайно. Мы дарили ветки сирени юношам, уходившим на защиту города. Большинство из них не вернулось», — вторила ей выпускница истфака 1941 г. В. Пономарева⁷.

Выпускники 1941 г., получив дипломы, также пошли на фронт. Историк Г. Г. Фруменков вспоминал: «Диплом с отличием вручил мне, как и другим выпускникам, председатель государственной экзаменационной комиссии, известный историк античности, профессор С. И. Ковалев 28 июня 1941 г. в коридоре. Без всяких церемоний! Не до этого было! Вторую неделю полыхала война».

27 июня 1941 г. областной комитет ВКП (б) принял секретное решение о формировании в Ленинграде армии народного ополчения (ЛАНО) из лиц, не состоявших на воинском учете. Такое решение вызывалось военной необходимостью. Мобилизация призывных возрастов не помогла переломить военную ситуацию. После поражения советских войск в Прибалтике наступающие части противника продвигались к границам Ленинградской области. Потери убитыми, ранеными и пленными уменьшали численность Красной армии. Чтобы остановить или хотя бы задержать врага, требовались новые и новые силы.

На призыв отправляться на фронт добровольцами откликнулись многие герценовцы. 30 июня в главном здании института началось формирование 1-й гвардейской дивизии ЛАНО⁸. Приказы по ЛГПИ им. А. И. Герцена содержат сведения примерно о 100 герценовцах, ушедших в ополчение. 4 июля бойцы 1-й дивизии были переведены на казарменное размещение в квартале на Мойке, а с 5 июля приступили к боевой подготовке, для которой, впрочем, не хватало оружия и патронов. К 10 августа комплектование дивизии, в которой насчитывалось 10815 ополченцев, было закончено; ее перебросили под Лугу. В сентябре 1941 г. дивизию включили в состав 8-й армии. 23 сентября она была переименована в 80-ю стрелковую дивизию и стала частью регулярной армии⁹.

Среди тех, кто стремился с оружием в руках защищать страну, оказались не только юные студенты, но и преподаватели солидного возраста. Сильное воздействие на них оказал призыв к созданию гвардейских дивизий. В ЛГПИ именно они считали себя истинными гвардейцами. В ополчение записались профессора Н. П. Андреев (родился в 1886 г.), В. Н. Бернадский (1890) и М. Б. Вольф (1898), доценты А. Б. Беркевич (1893), Б. М. Левинтов (1890). Вместе с другими ополченцами они проходили военное обучение.

К чести командования следует отметить, что Н. П. Андреев и В. Н. Бернадский были освобождены от службы и возвратились к мирным обязанностям «по возрасту и состоянию здоровья». Другие старшие ополченцы успели понюхать пороха. Проведя около месяца в тяжелейших боях, они также были освобождены от исполнения воинского долга на том же основании¹⁰. Из их младших товарищей немногим суждено было вернуться.

Судьба Ленинграда, по мнению большинства историков и участников событий, определилась в жаркие августовские дни 1941 г. Его спасли, в конечном счете, неунывающие студенты ленинградских вузов, ветераны питерских заводов, глубокомысленные ученые, отложившие в сторону свои диссертации и вставшие в очереди к пунктам формирования ЛАНО. Одетые в обмундирование разных расцветок, вооруженные нестандартным оружием, которого к тому же не доставало, ополченцы были обучены наскоро. Эти «мирные люди с ружьями» стали участниками кровавой битвы, которую современник охарактеризовал следующими словами: «Ни на что не похожая, ни позиционная, ни маневренная, а бестолковая какая-то война, когда трудно было определить, где фронт, где тыл, где враги, а где свои, кто кому подчинен и в каком направлении должен двигаться... А отборные дивизии вермахта как бы растеклись по обширной территории в десятках скоротечных или затяжных схваток с плохо вооруженным, но сильным духом противником»¹¹.

О судьбе большинства погибших ополченцев-герценовцев, как и их товарищей, ушедших в армию добровольно или мобилизованных, известно очень немного. В основном они уходили на фронт из Ленинграда, и даже из стен института, и те из них, место гибели которых неизвестно, скорее всего, сложили головы во время битвы за Ленинград. Еще в июне 1941 г. погиб студент Л. М. Михалевич (3 курс физмата). По воспоминаниям ветеранов, в партком института приходили письма с фронта, извещения о награждении и гибели герценовцев, и среди погибших они запомнили А. А. Афонина, Н. Стафеева, И. Ткаченко, Т. Бунакова, И. Минаева¹². 10 августа 1941 г. погиб Н. Н. Евстратов, начальник воспитания военной кафедры, лейтенант, командир взвода. В августе 1941 г. во время атаки в бою под Кингисеппом погиб инструктор политотдела дивизии, батальонный комиссар, помощник директора института ополченец А. И. Яковлев. В тех же местах 19 августа погиб питомец истфака лаборант кафедры древней истории Б. М. Шапиро, взявший на себя командование полком после гибели командира и выведший полк из окружения. Ф. В. Фильченко, выпускник истфака, политрук, погиб 28 августа 1941 г.¹³ По легенде, сохранившейся среди однокурсников Ф. В. Фильченко, он и его товарищи к этому времени уже перешли на партизанские методы борьбы. Взяв Федора в плен, фашисты сожгли его заживо.

Н. Н. Амарантов, выпускник литфака, доброволец, погиб в сентябре 1941 г. в районе Стрельны. Под Ленинградом пал и командир ЛАНО С. В. Никифоров, выпускник геофака¹⁴. Ополченец аспирант А. Агеев осенью 1941 г. сражался под Володарском и Урицком, Стрельной и Петергофом. «Бои были необычайно тяжелые, — вспоминал он. — Против нас, недостаточно обученных ополченцев, действовали опытные, хорошо подготовленные и технически оснащенные силы 5-й танковой группы немцев».

4 сентября 1941 г. погиб аспирант В. П. Вишневский. Однокурсники вспоминали, что, будучи широко одаренной натурой, Володя «сочинял стихи, играл на рояле и писал музыку. Все свободное время он посвящал поэзии и музыке, активно участвовал в художественной самодеятельности факультета и института... Его научная работа «Пушкин в музыке» на конкурсе студенческих работ получила диплом первой степени и была опубликована в сборнике трудов института. Володя окончил институт с отличием и как один из самых достойных его воспитанников был оставлен в аспирантуре».

В начале войны В. Вишневский и его друзья А. Потупин, Г. Коломиец, Г. Титов и Л. Резников записались в ополчение. По воспоминаниям Г. И. Коломийца, в 4-й дивизии ЛАНО Володя Вишневский и Саша Потупин стали командирами стрелковых взводов, Леня Резников и Гриша Титов — командирами разведывательных взводов, а сам Г. Коломиец — комсоргом 3-го стрелкового полка. В середине июля дивизия была направлена под Нарву. Отступая, она попала в окружение и с боями пробивалась к Красногвардейску (Гатчине). Потери были огромными, и герценовцам-ополченцам за короткий срок пришлось научиться воевать. Ко времени выхода дивизии из окружения Володя Вишневский действовал уже в должности командира батальона, а Саша Потупин — командира роты. Они отличились в боях под Гатчиной, у деревень Пустошка и Пижма, после чего им удалось вывести свои подразделения на занятый дивизией оборонительный рубеж в районе Усть-Тосно — Колпино. К этому времени немцы вышли к Неве в районе Усть-Тосно. Дивизия получила приказ форсировать реку Тосно и сорвать переправу противника через Неву. Первым был брошен в бой 3-й стрелковый полк. На рассвете, собрав лодки и другие плавсредства, подразделения В. Вишневского и А. Потупина перебрались через реку Тосно. Гитлеровцы не ожидали такого дерзкого удара. Без больших потерь им удалось занять небольшой плацдарм, однако другие части успеха не имели. Продержавшись 4 дня, 3-й полк вынужден был отступить. Бойцы рассказали мемуаристу, что Володю Вишневского настигла пуля, когда он переплывал реку Тосно.

Однокашник В. Вишневского Л. Резников, проживший большую жизнь и многого достигший, до конца дней помнил друга своей юности. Тяжело заболев, в 1980-е гг. он написал стихотворение, посвященное памяти Володи Вишневского:

Не палаты хочу занять
И не славу с бесславной мошною,
Я хочу одного — умереть,
Чтоб хоть в этом сравняться с тобою...

Я бесправно на свете живу:
Близкий друг мой без крика и стона
В страшных снах моих, как наяву,
Вечно падает в Тосно и тонет...

Диски кончились. Как ни черпай
Воду кистью пробитой, кровавой —
Ты добит, ты погиб, как Чапай,
Не изведав чапаевской славы...

Всё хотел за тебя наверстать,
Никогда не жалел себя, вроде,
Но не смог я Володею стать,
Ни талантом, ни счастьем Володи.

Пусть же проклята будет война,
Если лучших на свете уносит,
Если выживших пыткой она,
Пыткой памяти косит и косит.

Друг, меня от покоя уволь.
Я, неправой планидой хранимый,
Жизнь прожил до нуля. Только боль
Всё росла, и уже — нестерпима ¹⁵.

В том же районе, около Ям-Ижоры, двумя неделями позднее — 17 сентября 1941 г. — погиб М. Т. Ребутенко, выпускник заочного отделения геофака.

К северу от Ленинграда герценовцы несли потери и в военных действиях против финских войск. А. А. Гулло, выпускник инфака 1938 г., умер от ран 17 августа 1941 г. на Карельском перешейке, там же погиб и выпускник истфака М. Н. Усачев. М. С. Ледер, выпускник истфака 1939 г., младший лейтенант, погиб 9 сентября в районе Олонца.

В ходе тяжелейших боев у стен Ленинграда многие герценовцы пропали без вести. В августе 1941 г. пропали Б. А. Грошников, секретарь комитета ВЛКСМ института Покровского, и Н. С. Писарев, преподаватель военной кафедры ЛГПИ. В районе Пулкова пропал без вести рядовой Б. Ф. Копыл, окончивший физмат. 19 сентября без вести пропал А. А. Иванов, ассистент кафедры экспериментальной физики, младший лейтенант, 21 сентября в районе Стрельны — заведующий аспирантурой ЛГПИ, командир взвода Е. И. Зыков, 26 сентября — Г. Е. Цветков, ассистент кафедры матанализа. В сентябре 1941 г. без вести пропали рядовые С. Р. Иванов, выпускник исторического факультета учительского института, Х. Ш. Раппопорт, студент 4 курса литфака. Видимо, в те же дни пропал без вести и боец ЛАНО, рабфаковец, затем студент геофака А. Г. Смирнов (студент он был далеко не идеальный: в 1937 г. его осудили на 2 года за хулиганство, но затем он восстановился в институте)¹⁶.

Сегодня есть все основания считать пропавших без вести погибшими. Многих из них разыскивали родственники, и ни один не явился в институт за своими документами. Мать и сестра долгие годы пытались найти информацию о судьбе студента 3 курса литфака ополченца К. М. Бердникова. «Мы получили от него три небольших известия, последнее письмо его было датировано 25 августа 1941 г. Все наши розыски кончились безуспешно, только по слухам и узнали, что он погиб под Кингисеппом, видимо, в начале сентября 1941 г. Ни в списках погибших, ни среди без вести пропавших (он) нигде не числится», — писала сестра. О своем соученике вспоминала и Л. В. Нежинская: «Тов. Ахаян (завклубом института. — Т. Ф.), может быть, помнит студента литфака Костю Бердникова, который был активистом клубной самодеятельности: у него был прекрасный баритон, и он пел на вечерах, кажется «Каховку» и «Мне грустно», романс Бородина. Костя погиб в сентябре 1941 г. под Кингисеппом. Он был родом из... Артемовского района Свердловской области. Я провела войну в Артемовском и встречалась с его матерью на учительских конференциях. Она все ждала известий о нем, но так и не получила, а я не решилась ей сказать, что он погиб, так как это были только слухи среди студентов, но, очевидно, довольно точные»¹⁷.

16 октября началось наступление противника на Тихвинском направлении, 8 ноября ему удалось захватить Тихвин. Однако вскоре Красная армия перешла в контратаку. 9 декабря Тихвин был освобожден и враг отброшен за реку Волхов. Тяжелые бои принесли герценовцам новые потери. 30 октября 1941 г. погиб С. С. Усыскин, доцент кафедры политекономии, политрук 7-го стрелкового полка. 2 ноября под Киришами погиб стрелок заградотряда С. Н. Стебницкий, профессор северного отделения. В. З. Голубев, замдекана литфака, инструктор политотдела 20-й стрелковой дивизии, умер от ран 15 ноября. В тот же день погиб студент 4 курса В. И. Лукьянцев. 23 ноября пропал без вести А. А. Комов, замдекана геофака института Покровского. А. И. Вольфсон, студент 3 курса истфака, пропал без вести в ноябре 1941 г. Личное дело студента в институтском архиве сохранило единственную подробность его биографии: 14 февраля 1941 г. ему был объявлен строгий выговор с приказом по институту «за использование конспекта на экзамене по западно-европейской литературе».

15 декабря погиб А. И. Никитин, выпускник геофака, 17 декабря — студент литфака Н. С. Ломоносов. Доцент кафедры педагогики института Покровского М. В. Шапаров, командир взвода, и Г. А. Титов, окончивший литфак в 1940 г., в начале войны — боец ЛАНО, пропали без вести в декабре 1941 г.¹⁸ Герценовцы — наши предшественники — отдали свою жизнь за первую ленинградскую победу, значение которой в истории нашего города и всей войны современные историки считают недооцененным. Победа под Тихвином не позволила немцам и финнам создать второе кольцо — вокруг Ладоги.

Советские войска предпринимали отчаянные попытки прорвать блокаду. Одной из самых трагических страниц битвы за Ленинград стала попытка создать плацдарм на берегу Невы, так называемый «Невский пятачок». Среди его защитников был и аспирант кафедры истории СССР Л. Т. Гусаков, редактор институтской газеты, политрук роты. Он погиб 25 ноября 1941 г.

Документы нескольких герценовцев сообщают нам только о том, что они погибли или пропали без вести в 1941 г. Это погибшие — доброволец Н. И. Мичурин, студент 3 курса литфака; преподаватель кафедры методики математики М. Ш. Полевой, младший брат которого также погиб на фронте, а мать, сестра и двое малолетних племянников были взяты гитлеровцами в концентрационный лагерь и расстреляны; преподаватель военной кафедры командир роты связи В. А. Ильзов; а также пропавшие без вести — Л. Ф. Песочин (учился на вечернем отделении рабфака) и преподаватель философии М. Н. Потанин, командир взвода¹⁹.

1942 г. в истории битвы за Ленинград остался как год неудачных, кровавых попыток прорвать блокаду. Наступление на Любанском направлении развивалось с января по апрель 1942 г. 2-я ударная армия Волховского фронта сначала имела успех, чего нельзя было сказать о соседних армиях. Не добилась успеха и армия Ленинградского фронта, пытавшаяся двигаться им навстречу. 2-я ударная оказалась в тяжелом положении. В июне кольцо окружения замкнулось, район, занимаемый ею, простреливался немецкой артиллерией. Большая часть армии погибла, а ее командующий генерал А. А. Власов перешел на сторону гитлеровцев.

Очевидно, именно в ходе этой трагической операции 8 февраля 1942 г. погиб И. А. Ризов. В 1941 г. он окончил заочное отделение истфака, был младшим политруком ЛАНО, воевал в 266-м особом пулеметно-артиллерийском батальоне под Кингисеппом, после ранения — в 864-м полку 189-й дивизии под Пулковом. 15 февраля в бою на Ленинградском фронте погиб П. Н. Чичерин, студент 3 курса истфака. В 1941 г. ополченец попал в окружение, стал заместителем командира партизанского отряда № 218, дважды по поручению командования переходил линию фронта и заходил в институт. 22 февраля под Колпином погиб Г. Г. Салита, студент 2 курса литфака института Покровского, в 1941 г. — боец ЛАНО. В. М. Сухарев, окончивший в 1941 г. 3 курс истфака, командир взвода, лейтенант, погиб 1 апреля. Место гибели не названо, но студент, скорее всего, направился в действующую армию из Ленинграда и воевал в его окрестностях. Однокурсники Севы рассказывали, что он «был разорван танками». 5 апреля умер и был похоронен на Пискаревском кладбище П. П. Зайцев, студент заочного отделения, рядовой. 17 апреля 1942 г. в Ленинградской области погиб А. М. Федоров, студент 2 курса литфака. Молодой преподаватель П. А. Еремиевский, заместитель заведующего кафедрой марксизма-ленинизма, ополченец, инструктор политотдела 86-й стрелковой дивизии, погиб 28 апреля у Невской Дубровки и был похоронен в Кировске. Несколько герценовцев пропали без вести во время этой же операции. Это В. П. Прядильщиков, аспирант кафедры русского языка, адъютант командира стрелкового батальона (13 февраля под Невской Дубровкой);

А. И. Талашманов, студент 3 курса истфака, рядовой (в феврале 1942 г.); А. П. Рыжков, студент 3 курса литфака (в апреле того же года); Л. В. Семенов, студент, отчисленный по собственному желанию в 1940 г. (в июне 1942 г.); С. Н. Ковалев, выпускник физмата института Покровского, сдавший выпускные экзамены в ЛГПИ (в июне 1942 г.); Я. П. Серков, студент (в 1942 г.)²⁰.

Неудачей окончилась и вторая попытка прорыва блокады в 1942 г. — наступление в августе — сентябре на Сенявинском направлении. Тяжелые бои на Сенявинском и соседних участках фронта принесли герценовцам новые потери. 21 августа 1942 г. погиб П. И. Кожинский, старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма, боец ЛАНО в 1941 г., младший политрук. В тот же день в Ленинградской области погиб М. И. Шелягин, выпускник истфака, связист, рядовой. На следующий день, 22 августа, погиб Л. В. Родионов, студент 3 курса литфака. Он был похоронен на Чесменском кладбище в Ленинграде. О. Е. Федулов, выпускник естественно-географического факультета учительского института 1940 г., погиб 28 августа. Л. К. Пестерев, студент 1 курса истфака, погиб 31 августа. 10 сентября погиб А. И. Киприн, аспирант-историк, похороненный в поселке Песочном. В. М. Малышев, студент 2 курса физмата, погиб 11 сентября 1942 г., место его гибели не указано. Попробуем предположить, что это случилось под Ленинградом. Л. М. Гурджи, студент физмата учительского института, доброволец, погиб несколько позднее — 18 ноября под Киришами. З. М. Наумовская, выпускница института Покровского, политрук эвакогоспиталя № 3420, расположенного в поселке Хвойная Новгородской области, героически погибла осенью 1942 г. в результате аварии советского бомбардировщика. Л. И. Силин, студент 3 курса геофака, лейтенант, погиб 30 декабря 1942 г.²¹ Трагические наступления 1942 г. и их огромные потери, в числе которых и жизнь наших коллег, не привели к прорыву блокады, но этой страшной ценой был сорван новый штурм города.

Успешное стратегическое наступление советских войск зимой 1942—1943 гг. оттянуло часть вражеских сил из района Ленинграда и создало благоприятную обстановку для его деблокады. Войска Ленинградского и Волховского фронтов 18 января 1943 г. прорвали блокаду южнее Ладожского озера, что позволило установить сухопутную связь с Ленинградом. Попытки расширить сухопутные коммуникации (наступление в феврале — марте 1943 г. на Мгу и Синявино) не достигли цели. В июле — августе во время Курской битвы тяжелые бои на Мгинском выступе продолжались. В сентябре 1943 г. советские войска овладели Синявинскими высотами.

В этих кровопролитных боях корпорация герценовцев понесла новые потери. В начале года погиб И. И. Дюжев, в 1935—1939 гг. студент-заочник истфака. Он получил диплом с отличием и накануне войны заведовал Петрозаводским городским отделом народного образования. В действующей армии майор И. И. Дюжев служил заместителем начальника политотдела 289-й стрелковой дивизии Карельского фронта, был награжден орденом Красной Звезды. Его памяти была посвящена статья во фронтовой газете. Осенью 1942 г. подразделения Красной армии взяли занятую финнами высоту Тюроека. В течение 4 дней продолжались контратаки противника, и «в трудные минуты тяжелых напряженных боев Иван Дюжев все время находился среди передовых воинов. Его отвага, хладнокровие, выдержка, бодрое слово воодушевляли бойцов на новые подвиги». Высоту удалось удерживать. Напомним, что эти бои имели целью отвлечь внимание противника от Ленинграда. 1 января 1943 г. И. И. Дюжев обходил по траншее подразделения, находившиеся на передовой, попал под обстрел, был смертельно ранен вражеской миной и скончался на следующий день. Его похоронили с воинскими почестями близ озера Каски в Карелии²².

В. И. Петров, студент 3 курса литфака, умер от ран 24 января 1943 г. 2 февраля погиб

А. Х. Израилев, студент физмата, заместитель командира взвода. Место их гибели в документах не указано, но вполне вероятно, что они сражались под Ленинградом. 23 июня умер и был похоронен на Пискаревском кладбище выпускник истфака И. И. Параничев. 21 августа погиб В. М. Глазман, студент 3 курса литфака. На следующий день, 22 августа, погиб И. И. Стеклов, с 1940 г. — студент литфака, в начале войны — боец ЛАНО. Выпускник физмата Н. В. Цеханович, командир батареи, умер от ран 26 августа. А. Т. Тажурзин, выпускник физмата 1939 г., погиб 4 сентября, место его гибели неизвестно, можно лишь предполагать, что это случилось под Ленинградом. М. З. Гендлина, студентка 3 курса геофака, старший сержант, медсестра 112-го отдельного медсанбата 13-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта, участвовала в боях за Ленинград, умерла после тяжелого ранения 7 ноября 1943 г.²³

В ходе проведения Ленинградско-Новгородской операции войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов, а также Балтийский флот 14 января 1944 г. перешли в наступление с Ораниенбаумского плацдарма на Ропшу, а 15 января от Ленинграда на Красное Село. 20 января войска соединились в районе Ропши. Одновременно развернулось наступление в районе Новгорода и на Любанском направлении. 27 января блокада Ленинграда была снята. К концу февраля советские войска отбросили врага на 220—280 километров от Ленинграда и вступили в пределы Эстонии. С 10 июня по 10 августа 1944 г. продолжалось наступление на Карельском перешейке, и финская граница была восстановлена.

В битве за Ленинград отдал жизнь А. Н. Молоковский, студент 3 курса физмата, доброволец с 17 июля 1941 г., младший лейтенант. Он умер от ран 9 января 1944 г. 16 января в ходе наступления с Ораниенбаумского плацдарма был убит С. Н. Иванов, выпускник физмата, он похоронен в Ломоносовском районе Ленинградской области. Во время Любанской операции погиб В. С. Кудрявцев, выпускник литфака 1938 г., капитан, начальник штаба артдивизиона. Он похоронен на Чесменском кладбище в Ленинграде. В день главного военного праздника Ленинграда — 27 января 1944 г. — погиб В. Г. Евдокимов, студент 3 курса литфака, командир взвода, он похоронен в Красносельском районе. Выпускник литфака С. М. Лаптин умер от ран 28 января. 2 февраля погиб комбат П. Е. Нафталиев, студент 3 курса литфака. 8 февраля пропал без вести Л. Л. Гнесин, студент 3 курса литфака. Скорее всего, это произошло под Ленинградом. 25 февраля погиб М. Ф. Певзнер, студент 1 курса физмата. 24 марта Г. И. Васильев (химическое отделение естественного факультета, видимо, студент) умер в Вологде. Туда привозили раненых из-под Ленинграда. 31 марта погиб в бою Ф. Ф. Богданов, прораб ЛГПИ, младший лейтенант. 15 апреля умер от ран А. А. Борисов, выпускник 1940 г. факультета естествознания, старшина. В мае 1944 г. пропал без вести Ф. Д. Осипенко, выпускник геофака²⁴. Вероятно, это случилось под Ленинградом.

И. И. Малинкович, 3 курс истфака, младший лейтенант, погиб 23 июня 1944 г. и был похоронен в деревне Григоркино Пушкиногорского района Псковской области. В послевоенный период останки погибших были перезахоронены на воинском кладбище в деревне Вече. В 1987 г. Новоржевский военком написал родственникам, что «при перезахоронении имена погибших не были установлены, младший лейтенант И. И. Малинкович перезахоронен как неизвестный солдат». Еще через два года, в 1989 г., зять погибшего член-корреспондент АН СССР Г. В. Кисунько сообщил в институт, что имя И. И. Малинковича внесено в список захороненных на этом кладбище. Младший лейтенант И. И. Малинкович воевал на Ленинградском фронте, был несколько раз ранен, однажды его чуть было не похоронили вместе с погибшими. 23 июня 1944 г. во время атаки млад-

ший лейтенант поднял и увлек за собой роту, в которой был комсоргом. Рота выполнила поставленную перед ней боевую задачу, но комсорг погиб. Кроме официальной «похоронки», его родители получили теплое письмо от однополчан²⁵.

2 августа 1944 г. погиб рядовой И. К. Павро, комендант общежития № 2, а 14 августа — И. К. Антропов, аспирант физмата, младший лейтенант. Он похоронен в деревне Красные Луки Кингисеппского района²⁶.

До нас дошел голос только одного из известных нам погибших в 1942—1944 гг. под Ленинградом герценовцев. И. А. Ризов в одном из писем к жене Лидии послал ей размышления о жизни и смерти, по сути, свое завещание. «Я шел против врага, — писал политрук. — Это не только тот, что засел за бугром, окопался и целит в меня и которого я должен уничтожить. Это еще смерть. Она стремится подавить мою душу, лишить меня воли, парализовать мою способность к действию... Она побеждается любовью... Если смерть овладевает тобой, ты становишься жалким рабом ее, и ты больше достоин сожаления, нежели тот, кто лежит бездыханным... Ты должна понять мою смерть. Я не зову тебя смириться с нею, с этим не мирятся. Но эта смерть пусть будет гордостью твоей... Я весь поглощен родиной. Только в битвах с врагом я подлинно ощутил всю бездонную глубину этого слова... Вот я лежу с оружием в руках на земле, которая мне кажется живым существом. Снаряды со свистом проносятся над нашими головами и рвутся, терзая ее. Земля вздрагивает, и эту дрожь я ощущаю явственно, и она дрожью отдается во мне. Мне хочется обнять ее, прикрыть ее своим телом... Ты хочешь почтить меня — нагнись, возьми в горсть ее, нашу землю»²⁷.

Имена героически погибших герценовцев связаны не только с битвой за Ленинград, но и с другими известными событиями и крупнейшими сражениями Великой Отечественной войны. На мемориальных плитах легендарной Брестской крепости значится всего 217 имен из тысяч ее героических защитников. Последним выбито имя сержанта А. И. Кобранова, одного из защитников цитадели, воевавшего под командованием комиссара Е. Фомина. 25 июня 1941 г. А. И. Кобранов был смертельно ранен и вскоре умер. Боевые товарищи погребли его в воронке от снаряда. Имя героя сообщил сотрудникам музея участник обороны А. С. Ребузев. Им удалось разыскать жену и дочь А. И. Кобранова. Они рассказали, что Андрей Кобранов родился в 1912 г. в Бельском районе Калининской области. Окончив учительские курсы, он женился, стал заведующим сельской школой и преподавателем математики в том же Бельском районе. В 1935 г. поступил на заочное отделение ЛГПИ и планировал окончить его в 1939 г., но был призван в армию. Дочь вспоминала об отце: «Мне он помнится высоким, веселым. Ходил в косоворотке, вышитой по вороту и подолу. К нам в гости часто приезжали молодые учителя из соседних школ. Пили чай, пели и играли в лапту. Отец играл на гитаре и пел «Вот мчится тройка...» Меня катали на школьной лошади по кличке Мысль и на велосипеде. Из Брест-Литовска отец писал, что когда я закончу первый класс, то пришлет нам вызов. Но на это время пришлось война»²⁸.

В приграничных сражениях 1941 г. в районе Смоленска и в Белоруссии пропали без вести аспирант кафедры русского языка лейтенант М. И. Еремин и выпускник физмата капитан П. А. Штукатуров²⁹.

Выпускник истфака С. С. Поздняков также долгое время числился пропавшим без вести. В 1966 г. школьники-следопыты г. Керчи в завалах Аджимушкайских каменоломен под Керчью нашли принадлежавший ему планшет, в нем сохранилась записная книжка с записями о семье. Планшет был передан в Керченский музей. В 1972 г. вдова С. С. Позднякова Фаина Осиповна получила письмо от его сослуживца В. Н. Сальникова, который

рассказал ей о последних днях ее мужа. В 1975 г. комиссия с участием представителей Керченского военкомата составила акт о том, что С. С. Поздняков не пропал без вести, а погиб смертью храбрых в Аджимушкайских каменоломнях в начале июня 1942 г.

С. С. Поздняков родился в 1916 г. в Орле. В 1937 г., окончив среднюю школу, поступил на истфак ЛГПИ им. А. И. Герцена. Увлекался спортом, был хорошим парашютистом, отличным пловцом и альпинистом, прекрасным лыжником. В 1939 г. он добровольно отправился на финскую войну, был бойцом лыжного отряда. После окончания войны Сергей вернулся в институт и вскоре женился на однокурснице. Весной 1941 г. у него родилась дочь. 28 июня 1941 г. молодой отец сдал последний экзамен и ушел на фронт. В марте 1942 г. С. С. Поздняков был назначен старшим политруком отдельного учебного батальона для подготовки сержантского состава 389-й дивизии 51-й армии Крымского фронта. Фронт образовался в результате Керченско-Феодосийской операции — крупнейшей десантной операции Красной армии и Черноморского флота (26 декабря 1941—2 января 1942 г.). Операция имела целью отвлечь силы от осажденного Севастополя и создать условия для освобождения Крыма.

«Вы только не подумайте, что если учебный батальон, то он должен располагаться в тылу, — писал В. Н. Сальников Ф. О. Поздняковой. — Нет, наш учебный батальон находился в трех километрах от передовой линии фронта и постоянно подвергался артиллерийскому обстрелу противника, налетам его авиации и пулеметным очередям мессершмитов. Люди находились под постоянной угрозой смерти. Единственным отдыхом для нас была ночь, когда мы опускались в подземные лабиринты... Вот в таких условиях учебный батальон подготавливал сержантский состав, который был так необходим фронту». Вспоминая о специальности, значившейся в его новеньком дипломе, сам Сергей Поздняков писал с фронта: «Сейчас я работаю в школе, но это не значит, что я читаю лекции за кафедрой, нет — аудиторией является поле, вверху воздушные бои, бьют зенитки, стреляем из винтовок по стервятникам, рядом рвутся снаряды. Тетрадей, конечно, ни у кого нет, а вместо карандашей винтовки, гранаты, пулеметы — вот наша школа». В письме, датированном 5 марта 1942 г., он сетовал: «Хотелось бы писать вам больше и чаще, но... нет возможности... времечко стало жаркое, хотя на дворе грязища!.. Но надемся, что в Крыму скоро подсушит — дорога наладится; танки свободнее пойдут, тогда веселее день будет. Все это война, и веселье здесь военное, вот потеплее станет — купаемся где-нибудь, приведем себя в порядок, скинем с себя телогрейки, ватные брюки, теплое белье... Фанечка, разреши о войне больше не писать, война остается войной, про нее интересно вспоминать после войны... или смотреть в кино, или читать романы вроде «Войны и мира», лежа в чистой, теплой кровати или на диване. А здесь война совсем иная — некрасивая и неинтересная, хотя иногда есть моменты, о которых будут написаны целые тома, не меньше, чем «Война и мир» Толстого. Это война жестокая, и героем будет тот, кто переживет ее».

Тяжелое положение войск Крымского фронта стало просто критическим, когда 8 мая 1942 г. немецко-фашистские войска прорвали оборону его частей и перешли в контрнаступление. Учебный батальон прикрывал отход подразделений. В одну из ночей при смене огневой позиции небольшая группа из семи человек, в составе которой был и С. С. Поздняков, потеряла связь с основными силами батальона и перешла к самостоятельным действиям. «Несмотря на малочисленность, нам удавалось создавать вокруг себя боеспособную единицу из отходивших бойцов и вести успешно боевые действия, — вспоминал В. Н. Сальников. — В тот печальный период он показал себя не только как политработник, но и как великолепный боевой командир, умеющий создать прочную оборону и не пропустить врага

на занимаемом рубеже. Противник, наткнувшись на упорное сопротивление, обходил нашу оборону стороной, и, чтобы не попасть в окружение, приходилось еженощно отходить на новые рубежи. Так с боями мы дошли до самой Керчи... В Керчи мы узнали, что наш батальон отправлен на переправу... Но к переправе нас не пустили и, придав нам 75 бойцов, отправили к поселку Аджимушкай для занятия обороны с целью остановить продвижение противника. ...Пришлось с боем прорваться к Аджимушкаю. Придя к месту назначения, мы застали уже сформированную часть, ведущую боевые действия с противником. Так мы оказались составной единицей аджимушкайского гарнизона».

20 мая 1942 г. под напором наступающего противника советские войска в полном беспорядке оставили Крым. Аджимушкайский гарнизон приказа об отступлении не получил. К каменоломням пробирались солдаты и офицеры из окруженных частей. Под защитой гарнизона, в котором комиссаром 3-го батальона стал С. С. Поздняков, оказался и госпиталь: его не успели эвакуировать. Не прекращались жестокие и безнадежные бои. До конца мая поселок Аджимушкай переходил из рук в руки. Когда противник ввел в действие танкетки, появившись на окрестных высотах, и стал обстреливать отряд с тыла, гарнизон вынужден был спуститься в подземелье, но оттуда продолжал вести боевые действия. Через несколько дней С. С. Поздняков, командуя операцией у входа в штольни, был тяжело ранен осколком вражеской мины и через два часа скончался. Рассказывая о том, как приходится воевать, политрук писал жене: «Вот слышишь — летит мина, и черт ее знает, где она упадет, может быть, прямо к тебе в окоп угодит... Привык и уже по свисту определяешь — куда летит эта чертовщина, но ведь этого все равно мало. А пули, так те совсем шальные, их, конечно, не определишь, она моментально свистнет — и все...» Его похоронили у входа в малые каменоломни в расположении батальона. Аджимушкайский гарнизон, не имея боеприпасов и продовольствия, сражался до последнего. Оставшиеся в живых измученные его защитники попали в плен. О подвиге Аджимушкайского гарнизона стало известно лишь в конце 1950-х гг. Политрук 3-го батальона героического аджимушкайского гарнизона выпускник-герценовец С. С. Поздняков не сумел пережить войну и, значит, в собственных глазах, так и не стал ее героем.

По воспоминаниям родных и друзей, С. С. Поздняков был интеллигентным человеком, высоким и худощавым шатеном, с мягким теноровым голосом, говорил русским литературным языком. Он обладал настойчивым характером и обостренным чувством справедливости, никогда не повышал голоса и считал недопустимым кого-либо обидеть. По словам вдовы, Сергей был «честным, был добрым (к взрослым людям, к детям, даже к кошкам). Очень любил жизнь, любил спорт, был жизнерадостным, громко и заразительно смеялся»³⁰.

Документы не сообщают, на каком участке фронта сложил свою голову выпускник ЛГПИ В. П. Бабкин. После окончания института он был призван в армию, направлен в танковое училище и окончил его в звании лейтенанта. 10 апреля 1942 г. он сообщал родным, что его «месячное путешествие закончено и на море, и на суше. Оно протекало более или менее благополучно. Сейчас я уже заправский фронтовик. Кругом гремят пушки, и земля трясется от взрывов, в воздухе кружатся мессершмиты, быстрые, как молнии, через голову летят мины, повсюду валяются мертвые лошади, а я сижу в яме или беспечно хожу по полю с таким спокойствием и полным благодушием, как будто не на войне, не на фронте, а у себя дома... Среди фронтовиков я выгляжу как молодой гимназист... Пишите чаще, если даже мои письма задержатся. О дальнейшем сейчас загадывать трудно. Сейчас главное — война. Закончится война, и снова займемся стихами, прозой. Жизнь наша станет обычной и плодотворной». «Путешествие по морю» в начале 1942 г., скорее всего,

было участием в Керченско-Феодосийской десантной операции. Обстановку на берегу Василий Бабкин описывает теми же словами, что и С. С. Поздняков. В. П. Бабкин пропал без вести 16 мая 1942 г.³¹ — как раз в эти дни разрозненные части Крымского фронта покидали полуостров.

Летом 1942 г. ставка считала наиболее вероятным удар противника по центральной группировке советских войск, где продолжались ожесточенные военные действия. В этих боях 4 августа 1942 г. под Калинином погиб А. Ф. Бурлин, выпускник ЛГПИ 1938 г., лейтенант, а 25 августа в районе Великих Лук — И. Н. Куранов, выпускник инфака 1938 г.³²

В мае 1942 г. войска Юго-Западного фронта начали наступление в районе Харькова, но потерпели тяжелое поражение. Неудачный исход операций под Харьковом и в Крыму крайне осложнил обстановку на южных участках фронта. В конце июня началось контр-наступление гитлеровцев в направлении Сталинграда и Кавказа. В упорных затяжных боях под Сталинградом 23 сентября 1942 г. погиб герценовец лейтенант И. Т. Ткаченко, окончивший литфак³³.

Победа под Сталинградом в феврале 1943 г. положила начало массовому изгнанию захватчиков с территории СССР. Для того чтобы вернуть стратегическую инициативу после поражения в зимней кампании 1942—1943 гг., немецко-фашистское командование решило летом 1943 г. провести наступательную операцию в районе Курского выступа. В битве на Курской дуге, крупнейшем сражении лета 1943 г., принимала участие Т. Е. Зракова, выпускница физмата 1942 г. Эта юная девушка на фронте была техником-лейтенантом связи и умерла от ран 6 июля 1943 г. под Курском. Одержав победу на Курском направлении, советские войска вышли на берег Днепра. 3 ноября 1943 г. при форсировании Днепра погиб С. С. Беньш, выпускник института 1940 г.³⁴

Герценовцы погибали и в других наступательных операциях 1943 г. Студент физмата Л. Д. Моделев, техник-лейтенант, был убит 8 августа 1943 г. и похоронен в Смоленской области³⁵.

В 1944 г. за Ленинградско-Новгородской последовали другие мощные наступательные операции советских войск. Сохранившиеся документы почти не выявили потерь герценовцев в кампании 1944 г. на советской территории. Мы знаем только, что студент 3 курса Л. И. Ковалев, воевавший на Брянском фронте, умер от ран в 1944 г. 5 октября того же года в Эстонии от ран скончался и В. А. Никифоров, студент учительского института. Он поступил в ЛГПИ в 1940 г. и вскоре был взят в армию. Я. Я. Заринь, окончивший литфак в 1939 г., погиб в 1944 г.³⁶

В том же 1944 г. Красная армия перешла государственную границу и начала освобождение стран Европы от фашизма. Сведений о потерях герценовцев также обнаружено немного. Будем надеяться, что состояние источниковой базы отражает реальную картину событий. В ходе Львовско-Сандомирской операции при форсировании Вислы совершил подвиг, стоивший ему жизни, И. А. Репин. Он окончил ЛГПИ и с 1936 г. работал преподавателем педагогики и психологии в Бузулукском педагогическом училище. Сразу ушел на фронт, воевал на Украине, под Киевом, был участником форсирования Днепра. Летом 1944 г. 2-й батальон 23-й гвардейской мотострелковой Васильковской Краснознаменной бригады, в котором старший лейтенант, кавалер ордена Отечественной войны II степени, был начальником штаба, перешел государственную границу. Выйдя на берег Вислы, воины батальона под руководством комбата и начштаба сделали семь больших плотов и спустили их в речушку, впадавшую в Вислу. Были созданы две штурмовые группы. Одной из них командовал Иван Репин. В ночь на 29 июля 1944 г. штурмовые группы, а за ними и

весь батальон первыми в бригаде переправились через широкую реку. Очевидно, соседи задержались с переправой, и на левом берегу Вислы был создан плацдарм, оттянувший силы и внимание противника. Активным участником его обороны стал гвардии старший лейтенант. Защитники плацдарма отразили три контратаки. 8 августа И. А. Репин с помощью ручного пулемета уничтожил до 70 гитлеровцев, но и сам был тяжело ранен. Фашисты попытались захватить старшего лейтенанта в плен, но он не подпустил их и, стреляя до последней возможности, погиб на поле боя. По представлению командующего гвардейской танковой армией гвардии генерал-полковника П. С. Рыбалко И. А. Репин был посмертно награжден орденом Ленина. Там же, в Польше, 14 августа 1944 г. погиб В. К. Печурин, окончивший литфак в 1939 г.³⁷

В 1945 г. бои шли за пределами СССР — в Венгрии, Чехословакии, Австрии и Германии. Герценовцы заплатили своей жизнью за освобождение Австрии, а также за штурм Берлина и операцию в Восточной Пруссии. 17 января 1945 г. погиб в бою В. А. Мацкин, заведующий химическим складом естественного факультета, выпускник ЛГПИ. Место гибели не указано. 28 января в Восточной Пруссии погиб студент истфака Г. В. Рыжков, старший сержант. Окончивший истфак Н. С. Симоненко, старший инструктор политотдела, майор, был участником штурма Берлина. Он умер от ран 10 марта 1945 г. 1 апреля того же года в Австрии был убит в бою аспирант литфака переводчик Б. М. Аршавский, гвардии младший лейтенант. Там его и похоронили. 3 апреля умер от ран В. Н. Соловьев, выпускник литфака, а 20 апреля — студент 1 курса истфака И. Ф. Алексеев, старший инструктор политотдела 6-го артиллерийского корпуса прорыва³⁸.

Некоторые герценовцы стали партизанами. Большая их часть сражалась с врагом в Ленинградской области. Как уже отмечалось, еще в августе 1941 г. части, оборонявшие Ленинград, попали в окружение и перешли к партизанским методам борьбы с врагом. Такая трудная судьба выпала, в частности, на долю выпускника литфака В. К. Пукинского, в 1941 г. бойца ЛАНО. Он стал партизаном и погиб 2 сентября 1942 г. в районе Тихвина³⁹.

По сведениям участников событий, из числа тех студентов-герценовцев, которые сразу не ушли на фронт, в первые месяцы войны комитеты ВКП(б) и ВЛКСМ создавали партизанские отряды для засылки в тыл врага. Секретарь комитета комсомола института Э. Г. Штык утверждала, что к осени 1941 г. было организовано три таких отряда. Видимо, для подготовки к диверсионной работе в тылу противника 14 июля 1941 г. ЛГПИ обратился к руководству Электротехнического института связи с просьбой предоставить возможность пройти краткосрочные курсы телеграфистов и радистов группе студентов и преподавателей института в количестве 25 человек. Действовать в первоначальном, студенческом, составе этим отрядам не пришлось. Их переформировали и группами влили в различные партизанские отряды. В статье, посвященной юбилею института, его директор Ф. Ф. Головачев упоминает об одном из добровольцев, ушедших в институтскую партизанскую группу, — это аспирант Ярасов, накануне войны вернувшийся из экспедиции на Север. Он стал помощником командира отряда и погиб в боях⁴⁰. В 1975 г. комиссия ЛГПИ по выяснению имен герценовцев, погибших в годы войны, составила акт, согласно которому была подтверждена гибель партизан-герценовцев выпускника истфака Г. Д. Кожухова, Л. Д. Крыловой, В. Дьяченко, Н. Данилова, В. Пушкина. Факт их гибели подтвердили завхоз института партизан В. В. Агафонов и В. Н. Ведерников, который работал в обкоме партии, «лично подбирал комиссаров партизанских отрядов из института Герцена и был ответственным за партизанское движение в Ленинградской области»⁴¹. Вероятно, погибшие студенты и сотрудники института сражались в тех отрядах, о которых сообщала Э. Г. Штык. Кроме них, по воспоминаниям, не подтвержденным

документально, была повешена гестаповцами А. Г. Сухоцкая (в девичестве Матвеева), лаборант кафедры неорганической химии. Она эвакуировалась в Ленинградскую область и держала связь с партизанами.

Некоторые герценовцы участвовали в партизанской войне в других районах страны. Л. Д. Крылова, в частности, была радисткой отряда, созданного штабом партизанского движения Сталинградского фронта. Добровольцев — бойцов отряда — готовили в партизанской школе в Астрахани. Начальник школы вспоминал: «Запомнилась мне радистка Люда Крылова... маленькая, энергичная, бесстрашная. Люда приехала в Астрахань из блокированного Ленинграда. Через нее мы должны были держать связь со своими отрядами». 5 ноября 1942 г., за две недели до начала контрнаступления Красной армии под Сталинградом, четыре отряда были переброшены через линию фронта и начали осуществлять диверсии на коммуникациях противника. В степи деятельность партизанских отрядов была смертельно опасной — их нетрудно было обнаружить. Противник бросил против партизан значительные силы, и после упорного двухдневного боя ему удалось взять в плен оставшихся в живых, в основном раненых. Среди них была и радистка Л. Д. Крылова. После пыток и издевательств ее казнили⁴².

В документах не сказано, где сражалась и погибла Е. Ф. Козлова, студентка естественного факультета, отчисленная в 1940 г., возможно, из-за того, что обучение стало платным. Известно только, что она была партизанкой или подпольщицей и погибла в гестапо 30 января 1943 г.⁴³ Характерно, что среди тех, кто сражался в тылу врага, то есть занимался делом максимально опасным, значительное место занимали женщины.

Почти ничего неизвестно о тех герценовцах, которые окончили свои дни во вражеском плену. Источники называют только одно имя — это Т. Х. Асфандаров. Мы не знаем, кем он был, скорее всего студентом. Он умер 17 марта 1942 г.⁴⁴ Возможно, эта же страшная участь выпала и некоторым из тех герценовцев, которые считались пропавшими без вести.

Итак, в рамках истории войны и с опорой на несовершенную источниковую базу мы попытались рассказать о погибших герценовцах, «вымостивших страшную дорогу» нашей великой, прекрасной и жестокой Победы. Эта попытка лишней раз показывает, что Герценовский институт, ныне университет, всегда и во все времена был плоть от плоти нашего прекрасного города, разделял его судьбу и судьбу его жителей, был частью России, вместе с ней ощущал горечь ее потерь, а в середине XX в. являлся еще и частицей огромной страны — СССР. Члены герценовской корпорации, представители разных наций и народностей, наши коллеги и предшественники, сполна заплатили своей кровью за Победу и внесли в ее достижение неоценимый вклад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сакович Е. Ф. Список добровольцев Красной армии // ФМИ РГПУ.
2. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 31. Д. 603, л. 29; д. 606, л. 52.
3. Педагогические вести. 1995. № 4. Май.
4. За большевистские педкадры. 1941. 27 июня; Ленинградская правда. 1941. 24 июня.
5. Штык Э. Г. Записки комсорга // ФМИ РГПУ Ш-20. Л. 2—4.
6. Там же. Л. 1.
7. Советский учитель. 1982. 6 мая.
8. Ахаян А. А. Институт в годы Великой Отечественной войны // ФМИ РГПУ. Л. 2.
9. Оборона Ленинграда. С. 376—378; Ополченцы / Сост. Б. Е. Столпнер. Л., 1975. С. 24, 274.
10. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 31. Д. 762, л. 3—5.

11. *Даев В. Г.* С дистанции полувека. Очерки блокадного Ленинграда. СПб., 1998. С. 14.
12. ФМИ РГПУ. Карт. 151; д. 183.
13. Там же. Карт. 25, 75, 80, 85. По другим сведениям, А. И. Яковлев пропал без вести.
14. Там же. Карт. 4, 151 б.
15. Там же. Д. 14, л. 6.
16. Там же. Д. 146; д. 157, л. 1—2; д. 170; карт. 17, 44, 95, 102, 103, 107, 113, 119, 122.
17. Там же. Д. 176, л. 5—6.
18. Там же. Д. 137, л. 1—2; д. 140; карт. 19, 41, 43, 67, 72, 105, 120, 123.
19. Там же. Д. 154; д. 162; д. 171, л. 1—2; карт. 20, 114, 180.
20. Там же. Д. 135; д. 136; д. 147; д. 148, л. 3, 5; д. 144; д. 156; д. 160; карт. 26, 68, 74, 78, 115, 118.
21. Там же. Д. 39; д. 124, л. 26; д. 130; д. 155; д. 161; карт. 21, 34, 64, 126.
22. Там же. Д. 160, л. 1, 8, 12.
23. Там же. Д. 18, л. 3; д. 129; 131; 134; 142; 159; карт. 55, 71.
24. Там же. Д. 132; д. 139; 143; 145; 153; карт. 8, 13, 52, 53, 60.
25. Там же. Д. 166, л. 1—4.
26. Там же. Карт. 5, 61.
27. Там же. Д. 148, л. 1—2.
28. Там же. Д. 163, л. 1; Советская Россия. 1987. 21 июня.
29. ФМИ РГПУ. Карт. 81, 100.
30. Там же. Д. 60, л. 7—9, 11, 15—16, 19, 21; Поливайко З. Письма политрука // Вокруг света. 1986. № 7. С. 6—7.
31. ФМИ РГПУ. Д. 190, л. 3, 5.
32. Там же. Карт. 12, 35.
33. Там же. Карт. 70.
34. Там же. Карт. 9, 29.
35. Там же. Д. 131.
36. Там же. Д. 149; карт. 40, 127.
37. Там же. Д. 169, л. 1; д. 191.
38. Там же. Д. 136; д. 138; карт. 3, 65, 69.
39. Там же. Карт. 56.
40. *Головачев Ф. Ф.* Двадцать пять лет // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена «В ознаменование 25-летия педагогической и научной деятельности института (1918—1943)». Челябинск; Л., 1947. С. 26.
41. ФМИ РГПУ. Д. 177, л. 3.
42. Там же. Д. 150, л. 2—5.
43. Там же. Карт. 45.
44. Там же. Карт. 1.